

УДК 94 (470.6)

UDC 94 (470.6)

**ОСВЕЩЕНИЕ ПЕРИОДИЧЕСКОЙ ПЕЧАТЮ
ФРОНТОВОЙ ПОВСЕДНЕВНОСТИ НА
СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ В ГОДЫ
ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ 1917-1920 ГГ.**

**PERIODICAL PUBLICATIONS ON THE FRONT
EVERY DAY LIFE IN THE NORTH CAUCASUS
DURING THE CIVIL WAR OF 1917-1920**

Поливина Марина Анатольевна
кандидат исторических наук
*Армавирский механико-технологический
институт (филиал) ФГБОУ ВПО «Кубанский
государственный технологический университет»,
Армавир, Россия*

Polivina Marina Anatolievna
Cand.Hist.Sci.
*Armavir Institute of Mechanics and Technology
(branch) Kuban State Technological University,
Armavir, Russia*

В статье рассматривается специфика повседневности, которая нашла свое отражение в военной журналистике 1917-1920 гг. В статье подчеркивается отсутствие журналистской свободы и творческого выбора, так как публикации на тему фронтовой повседневности в указанный период подвергались особенно тщательной цензуре

The article discusses the specifics of everyday life, which was reflected in the 1917-1920 war journalism. The article highlights the lack of journalistic freedom and creative choice, since publication on the front everyday life in this period were under especially careful censorship

Ключевые слова: ПЕРИОДИЧЕСКАЯ ПЕЧАТЬ, ГРАЖДАНСКИЙ КОНФЛИКТ, ФРОНТ, ИДЕОЛОГИЯ, БОЛЬШЕВИКИ, ПРЕССА

Keywords: PERIODICALS, CIVIL CONFLICT, FRONT, IDEOLOGY, BOLSHEVIKS, PRESS

Гражданские войны, как известно, являются одними из самых кровопролитных и напряженных военных конфликтов за всю человеческую историю. Разразившись на просторах бывшей Российской империи, Гражданская война 1917-1920 гг. очень быстро приняла самые радикальные и крайние формы. Не стал исключением из общей картины и регион Северного Кавказа. Вспыхнув здесь вооруженный гражданский конфликт, очень быстро приобрел формы полномасштабной Гражданской войны, по существу, войны «всех против всех». Здесь появились не только многочисленные фронты, на которых сражались десятки тысяч человек, но и то, что называется глубинным гражданским противостоянием, когда военно-политическая борьба и насилие захватили все слои, все классы и социальные группы регионального социума.

В годы Гражданской войны основа устойчивости государства и социума – повседневная жизнедеятельность человека обретает новое выражение, формы и смыслы, что и находило свое отражение в местной, региональной прессе. Человек в этот период сталкивается с

многочисленными проблемами, затрагивающими различные стороны его жизни и деятельности. Особенностью данного периода являлось то, что влияние этих проблем сказывалось на протяжении всего периода 1917 – 1920 гг. Человек был принужден находиться в состоянии постоянного кризиса и считаться с обстоятельствами, которые не только меняли его повседневную жизнь, но и непосредственно угрожали его существованию.

С началом в регионе Северного Кавказа активной стадии гражданского противостояния, на страницах местной печати как легальной, так и выходящей в подполье появлялось множеством материалов и публикаций, характеризующих фронтовую повседневность, повседневность военного времени, т.е. существование человека в критических условиях боевых действий. Необходимо отметить, в связи с этим, что насилие направленное, в отношении политических противников, лиц связанных с ними родственными и иными узами, имело в регионе Северного Кавказа цепной характер, захватывая все противостоящие друг другу силы.

Важной особенностью повседневной жизни, в период первой мировой и Гражданской войны на Северном Кавказе, фиксируемой на страницах местной прессы стала трансформация у значительной части населения региона, в частности тех его групп, которые принимали непосредственное участие в боевых действиях, представлений этического порядка, которые были напрямую связаны с выполнением задач военного времени. В данный период существенно трансформировались представления большинства населения региона о воинском долге, воинской чести, патриотизме, служении Родине, верности присяге. Произошло это в связи с тем, что их четкое определение индивидом было связано с определенными опорными символами сознания, такими как наличие устойчивого (в территориальном и политическом плане) государственного образования, единой национальной армией,

сложившейся системой воинской иерархии и соподчинения. Все это в данный исторический период в общественной жизни отсутствовало.

Одним из важнейших направлений в публикациях материалов в региональной периодической печати в 1917-1920 гг. было освещение событий, происходящих в этот период на фронтах Гражданской войны и их всесторонняя интерпретация, и оценка различными изданиями. Попутно при этом решались и политические, пропагандистские задачи, а также вопросы, связанные с распространением собственной идеологии и укреплением власти действующих в регионе политических сил. Но все же, главной целью деятельности периодической печати в данный период было обеспечение победы на фронтах Гражданской войны тех или иных военно-политических сил над своими противниками. Под эти углом зрения и освещались в местной прессе события на фронте. В данной связи, вызывает интерес та лексика, которая использовалась авторами публикуемых периодической печатью материалов с фронта. Здесь уместно заметить, что во время революции и в первые годы советской эпохи слово «красный» широко использовалось в целях идеологической нейтрализации ранее употреблявшихся понятий, в результате чего и возникали такие сочетания, как Красная Армия, Красная гвардия, красный боец, красный железнодорожник и т.д. [1]

При этом все печатные издания и «красных», и «белых», и «зеленых» живописали коварство и беспощадность врага, его злодейскую сущность с одной стороны, а с другой показывали нестигаемость и мужество собственных адептов, поскольку каждый печатный орган принадлежал к определенному военно-политическому лагерю. Так в статье «Спасители России» опубликованной в белой газете «Жизнь» 27 апреля 1919 г. отмечалось: «Муки одиночества среди общего непонимания, измена многих друзей, победа многих врагов, оплевывание и поношение, изгнание и лишение элементарных прав человека – свободы, безопасности,

самого права жить: потеря всего, что любили и чем жили: нечеловеческие физические страдания, скитание по степям, голод и жажда, утоленные впервые через год после начала крестного пути. Каждый день – лицом к лицу со смертью, зрелище ее ежедневного торжества над лучшими близкими и родными. Трижды были искушаемы в пустыне.

Первое искушение: уклонение и отказ от борьбы. Второе: измена данному слову, переход на сторону врагов, союз с ними. Третье: капитуляция перед торжествующим растлителем Родины, служба ему доходная и спокойная. И остались тверды. Во имя чего? – Во имя России. Во имя чести. Во имя долга...». [2]

Даже формально независимые печатные издания не могли проводить собственную редакционную политику и должны были учитывать существующие реалии. Кроме того, повсеместно действовала военная цензура, и над издательствами постоянно висел дамоклов меч ограничения их деятельности или полного закрытия за публикацию тех или иных материалов, расходящихся с точкой зрения власти.

Большевистская пресса на фронтах Гражданской войны декларировала лозунг: личность ничто – масса все. В соответствии с данным лозунгом сама по себе отдельная личность стала иметь ценность как часть массы, часть всеобщего, целого. На этой идеологической основе формировались новые представления, внедряемые средствами массовой печати о характере ее социального бытия.

Как ни парадоксально, но в оценке ситуации на фронтах и положения дел там, большую независимость и относительную свободу проявляли большевистские издания, хотя в других сферах это было совершенно для них нехарактерно. Во многом это объяснялось политикой большевистского руководства в регионе, осознававшего всю шаткость своего положения здесь и пытающегося любыми способами удержаться у

власти. Поэтому, нередко большевистская печать писала достаточно откровенно и правдиво о положении дел на фронте и том состоянии, в котором находились красные войска.

Она нередко констатировала угрожающее положение и призывала напрячь все силы для борьбы со своими военно-политическими противниками, иногда даже преувеличивая опасность, но, никак не приуменьшая ее. Возможно, печатное слово было последним ресурсом большевистской власти в регионе, последним фактором, с помощью которого большевики стремились консолидировать своих сторонников и отбросить врага. Это было совершенно несвойственно «белой» печати, которая также отражала события на фронтах Гражданской войны. В ней как раз господствовали, причем до самого конца Белого Юга, в самые критические дни его существования успокоительные мотивы и прикрашенный взгляд на положение дел. [3]

Это было тем более удивительно, что во всех других вопросах «белая» печать отличалась большей свободой и возможностью критически осмысливать действительность. Кроме оценок и аналитических материалов о положении дел на фронтах и прогнозов развития боевой ситуации региональные периодические печатные издания публиковали ежедневные сводки с фронта. А также и многочисленные материалы пропагандистского характера. В частности в белой печати в этот период указывалось на то, что «Армии Юга России, состоящая из Добровольцев, южно-российского крестьянства и рабочих, славных Кубанцев, Терцев, Донцов, Уральцев и Горцев Кавказа, день за днем освобождают от гнета комиссаров и самодержавия Троцкого все новые города и деревни Нашей Великой Страдалицы Родины России... Небольшие отряды отважных и верных Родине сынов выросли в большую и славную Русскую армию, огненным кольцом окружившей Совдепию» [2] При этом каждая из них на своих страницах предоставляла слово своим сторонникам, и даже

письма из народа, которые печатали практически все региональные издания, передавали точку зрения сторонников и социально близких того политического направления, к которому относился печатный орган. Все публикуемые с фронта на страницах местных изданий печатные материалы преследовали одну цель – вызвать негодование местной общественности против действий противоположной в гражданском вооруженном конфликте стороны, и, мобилизовав их, по возможности, добиться их вступления в действующую армию.

Естественно, что весьма популярной была пропаганда успехов собственных воинских сил на фронте, газеты часто писали об относительной легкости, с которой они добивались своей победы над военными противниками. Показательно в этой связи было отношение существующей политической власти к журналистам, которые непосредственно занимались репортажами с фронта. Их материалы четко редактировались и подвергались военной цензуре. Ушла в прошлое независимость и свобода самовыражения в журналистской позиции. Теперь журналист, в своих оценках положения дел на фронтах, должен был отражать исключительно мнение редакции, и вся его деятельность была полностью подконтрольна. Цензура стала всеобщей, деятельность газет и журналов полностью контролировалась ею. [4] При этом им выплачивалось достаточно крупное денежное содержание, что должно было сделать его деятельность более покладистой и предсказуемой с точки зрения редакции и политической власти.

Это было особенно важно в той обстановке распада и хаоса, когда у многих из «пишущей братии» не было средств даже для того, чтобы прокормить себя и свою семью. Поэтому многие журналисты были вынуждены идти на такой компромисс с личной совестью и фактически стать платными пропагандистами существующей в регионе политической власти. [5] Естественно, что в такой обстановке ни о какой свободе

творческого выбора не было и речи, эта была утилитарная работа, направленная на физическое выживание в период всеобъемлющего кризиса. Исходя из этого, существовавшая политическая власть поставила журналистскую профессию под свой полный политический контроль, и публицистика превратилась в орудие Гражданской войны, которое использовалась противостоящими в ней сторонами против своих военно-политических противников.

В период боевых действий на Белом Юге работало много выдающихся мастеров писательского творчества, российских журналистов, которые искали себе приют на относительно процветающем и спокойном российском Юге. В сложившихся условиях профессии журналиста и литератора превратилась в профессию идеолога и политического пропагандиста определенного политического движения.

Сюда же устремились и крупные общественные и политические деятели из числа российской интеллигенции, бывшей политической элиты. Но все они сознательно или нет, каждый по своему, должны были играть по правилам, установленным существующей здесь политической властью и стать ее инструментом в борьбе за собственное выживание и за реализацию ее целей в гражданском вооруженном конфликте. При этом властью декларировалось, что ее цели и есть цели всей российской творческой интеллигенции, отсюда выдвигались требования о беспрекословном и безоглядном следовании курсу существующего политического режима и всемерной поддержке его политики, как на фронте, так и в тылу. В этих условиях этим мастерам пера о собственной творческой и журналистской позиции пришлось забыть и выполнять в своей работе рекомендации существующей политической власти.

В период Гражданской войны основные военно-политические лагеря декларировали своей главной целью достижение блага для простого человека, создания для него таких условий, которые бы давали

возможность выйти из кризисного существования и обрести устойчивое, стабильное положение в новой формирующейся общественной системе. Судя по материалам местной прессы, большевики полагали, что данную цель можно будет достигнуть путем дальнейшего продолжения и радикализации общественных перемен, их основные противники видели возможность ее достижения в возвращении к традиционным ценностям и устоям российского общества. В реальности оба этих движения, как и остальные политические и социальные силы в стране посредством массовой печати стремились использовать человека как средство в достижении собственных политических целей. В российском обществе утвердилось в тот период представление о том, что для того, что бы достигнуть благотворных для общества в целом перемен, необходимо использовать человека как сырой материал истории, как своего рода кирпич для построения здания социальной справедливости и гармонии. Причем большевики в своих пропагандистских лозунгах публикуемых на страницах местной прессы, открыто декларировали такую политическую позицию, белые же, как правило, искусно скрывали ее, маскируя националистическими лозунгами.

Результат деятельности массовой прессы обоих военно-политических лагерей в регионе Северного Кавказа в годы Гражданской войны был одинаков. Подобное отношение к человеческой личности, взгляды на место и роль человека в истории привели к девальвации стоимости человеческой жизни к распространению отношения к человеку как к подручному инструменту, необходимому для решения текущих политических задач. На повседневном уровне это проявилась в отношении массовой печатной пропаганды к человеческой жизни как к средству достижения военно-политических целей. За время Гражданской войны это произошло не сразу, индивид постепенно привыкал к тому, что жизнь окружающих, да и своя собственная, может ничего не стоить, но

постепенно это стало аксиомой общественного бытия, никем не оспариваемой реальностью. Как следствие в моральном, нравственном плане в этической ориентации индивида, под влиянием образов культивируемых массовой печатью произошел существенный сдвиг.

Действительно, на протяжении длительного времени человеческая жизнь полагалась как высшая и неизменная ценность, даже власть с крайней неохотой шла на нарушение этой этической нормы. За время же революционных потрясений и Гражданской войны ситуация в корне изменилась. Важнейшей ценностью для человека времени Гражданской войны благодаря, в том числе, деятельности массовых печатных изданий, стали политические идеалы и идеологические догмы, а насилие - законным средством их достижения. [6] Даже ценность собственной жизни в глазах адептов новых идей отступала на второй план. В соответствии с газетными пропагандистскими лозунгами человек стал представлять ценность не сам по себе как уникальная, неповторимая личность, а как представитель определенной партии, военного лагеря или политического движения, то есть как часть всеобщего коллективного целого.

Таким образом, с фронтов, существующая в крае политическая власть получала ту картину боевых действий, которую она хотела видеть, и которая, чаще всего, имела мало общего с истинным положением дел на фронте, с истинным состоянием действующих армий и уровнем морально-политического духа их солдат и офицеров. Поэтому не случайно, что в гражданской войне победила именно та сторона вооруженного конфликта, которая предоставляла региональной периодической печати возможность давать правдивую картину положения дел на фронте, и показывать объективно существующие недостатки. Это предоставляло возможность для их устранения и дальнейшей консолидации сил своих сторонников. Большевики, в большей степени, чем их политические противники осознавали важность прессы не только как пропагандистского и

информационного ресурса, но и как средства мобилизации своих сторонников, концентрации всех усилий, направленных на разгром военно-политических противников и важность донесения до своих сторонников реального положения вещей. Все это позволяло им более умело наряду с классическими пропагандистскими приемами использовать региональную периодическую печать для решения собственных задач в гражданском вооруженном конфликте.

Литература

1. Голдин В. И. Россия в гражданской войне. Очерки новейшей историографии (вторая половина 1980-х – 90-е годы). Архангельск: Изд-во «БОРГЕС», 2000. 280 с.
2. Поливина М.А., Семенов А.А. Повседневная жизнь населения Северного Кавказа в годы Гражданской войны 1917-1920 гг. Монография. Славянск-на-Кубани 2009 г., 140 с.
3. Джавланов О.Т., Михеев В.А. Номенклатура: эволюция отбора. М., 1993. 138 с.
4. Дмитриева Е.Б. Рабочие Петрограда в 1918-1920 гг. (Динамика соц. структуры и общественной психологии) СПб., 1994.
5. Кара-Мурза С. Г. Гражданская война (1918-1921) – урок для XXI века. М.: Изд. Эксмо, 2003. 384 с.
6. Какурин Н., Ковтун Н., Сухов В. Военная история Гражданской войны в России 1918-1920 годов. М., 2004.
7. Колоницкий Б.И. Символы власти и борьба за власть. К изучению политической культуры Российской революции 1917 г. СПб., 2001.

References

1. Goldin V. I. Rossija v grazhdanskoj vojne. Oчерki novejshej istoriografii (vtoraja polovina 1980-h – 90-e gody). Arhangel'sk: Izd-vo «BORGES», 2000. 280 s.
2. Polivina M.A., Semenov A.A. Povsednevnaja zhizn' naselenija Severnogo Kavkaza v gody Grazhdanskoj vojny 1917-1920 gg. Monografija. Slavjansk-na-Kubani 2009 g., 140 s.
3. Dzhavlanov O.T., Miheev V.A. Nomenklatura: jevoljucija otbora. M., 1993. 138 s.
4. Dmitrieva E.B. Rabochie Petrograda v 1918-1920 gg. (Dinamika soc. struktury i obshhestvennoj psihologii) SPb., 1994.
5. Kara-Murza S. G. Grazhdanskaja vojna (1918-1921) – urok dlja NHI veka. M.: Izd. Jeksmo, 2003. 384 s.
6. Kakurin N., Kovtun N., Suhov V. Voennaja istorija Grazhdanskoj vojny v Rossii 1918-1920 godov. M., 2004.
7. Kolonickij B.I. Simvoly vlasti i bor'ba za vlast'. K izucheniju politicheskoy kul'tury Rossijskoj revoljucii 1917 g. SPb., 2001.